Куприянец Татьяна Александровна

1939

Отделённые – не от мира – от себя, что глава от плеч...
Отделённые командиры*, где вы, где вы, чтоб нас сберечь?
Комиссары и командармы, что ведёте вы за бои?
Безнаказанные жандармы... Обезлюженные свои...

На земле родной белорусской нынче местным и места нет.
Знать, в Берёзе – да той, Картузской – время каждого скроет след.
Жмутся дети к угасшей печи – ни кусочка, ни уголька...
Разве ж это по-человечьи?!. Всё святое прибрать к рукам –

Наши реки и наши нивы, нашу правду да говор наш, –
Да указывать нам чванливо, чтоб любую терпели блажь...
Нет, не будет так, нет, не будет! Хоть живыми, хоть из трунó**,
Но добьются, добьются люди, чтоб не правили здесь паны!

"Старый, что ты?.. – шептала бабка. – Кто услышит – не сдобровать!"
Дед поправил ремень в антабках: "Ничего, одолеем, мать".

А в округе шумело лето, от золы пепелищ сивó.
И ни весточки, ни портрета... И не имени своего.

Перепуганные жандармы: слева, справа – везде вражда.
Комиссары и командармы отворяют вовсю врата:
Без ключей – да зачем ключи-то, коль дождался родной народ
Наконец для себя защиты в этот тридцать девятый год!

И не скажешь, как было больно, – только шрамы по всей груди...
Щедро, радостно, хлебосольно – что бы ни было впереди.
Ведь теперь наконец не "кресы", – пусть заходится вороньё.
Люди!

Имя навек воскресло!

Имя доброе и

своё.

* Отделённый командир – воинское звание в Красной Армии 1935 – 1940 гг.

** Трунá – гроб (бел.)